

ЗИМОГОР

В этой медленной мраморной остыни,
Где гранитно-багровый закат,
Зимогор выбредает из осени
Быстроходен, хитер, языкат.

Первопутком по скользкому озеру,
По клинкам леденистых дорог
Он спешит мимо щеточек озими,
Собирает последний оброк.

Он идет по извилистой просеке,
Где, танцуя, гуран проскакал,
По прозрачной, сверкающей просини
В речку вставленных зимних зеркал.

Зимогор из хрустальных брусничников
Капли мерзлых рубинов принес,
Разговор затевая с синичками:
«Это вам — в самый лютый мороз!»

Облепили каленые яхонты
Обрывает, к рябине идет
И ее костенелые ягоды
В горбовик самодельный кладет.

Смотрят с кедров клесты Алконостами,
Снегирями усыпан угор.
Греет птиц среди мраморной остыни
В заскорузлых руках зимогор.

Я знаю, я чувствую, вижу:
 Эпоха сжимается вновь.
 Я время набухшее выжал —
 И брызнула алая кровь.

Я где-то во времени долгом
 Свой путь, свою долю искал...
 Я пел, как Некрасов на Волге,
 Как Чехов — смотрелся в Байкал.

Но время меня торопило,
 Пыталось железом меня,
 На знойном ветру прокалило,
 Вдохнув в меня силу огня.

Во мне первородно, глубоко
 Любовь трепетала моя...
 И страждущим, веющим оком
 Искал я таких же, как я.

...Светило лицо молодое,
 Горя вдохновенным огнем...
 И солнце вставало гнедое,
 И я становился конем —

Тем самым отчаянным, красным,
 Которого мальчик купал...
 Ты реяла девой опасной
 Среди купидонов и скал.

Взрывались в Нью-Йорке высоты,
 В ночи колебалась земля...
 Коня рисовал Петров-Водкин,
 И тот уносился в поля.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

Знаю волчьи ягоды — крушину —
 С давних, незапамятных времен.
 Память неспроста разворошила
 Про крушину сказку или сон.

Бабка мне в деревне ворожила,
 Говорила древним языком,
 Что однажды дерево крушина
 Явится мне в облике другом...

Это будет некое созданье,
 Что сойдет из глубины веков,

Обретет обличье, бытованье
И ухватку цепкую волков.

...Бабка проводить меня решила
В будущее на исходе дня.
Наварила зелья из крушины,
Напоив без памяти меня.

Долго не испытывал я жажды,
Бабка говорила во хмелю,
Что волчицу встречу я однажды
И ее навеки люблю.

Бабка, мне с тоской не разлучиться...
Лучше б ты сожгла меня вином.
Вот опять грызет меня волчица,
И крушина воет под окном.

МОЖЖЕВЕЛЬНИК

Наверно, словом Божьим велено
Мне через тернии пройти,
Сплошное царство можжевельника
В таежных зарослях найти.

Войду туда, где полночь стелется,
Земные таинства хранит.
Горячий запах можжевельника
Меня привяжет, как магнит,

И одурманит негой плотною,
Потянет в ночь поводырем,
Как будто зелье приворотное
Колдунья варит за холмом,

В избушке курьей ждет подельника
И закликает, и поет...
Мохнатый запах можжевельника
На лапы, как медведь, встает.

Я в облачении отшельника
Иду сквозь темные века.
Когтистый запах можжевельника
Меня царапает слегка,

На самом крае беспредельности
Плывет в вечернюю слюду.
Я наломаю можжевельника
И с ним на землю упаду.

На простыне тумана белого
Засну, как будто бы умру.
И куст росистый можжевеловый
Меня разбудит поутру.

ПОЭТЫ РОССИИ

Анатолию Аврутину

Мы — скитальцы, мы возле небес, мы такие...
Нас по темным трупобам, по свету несет.
Мы — усталая жизнь, мы — загадка России,
Но мы все-таки те, кто Россию спасет.

О бесстрашии помним, о времени помним,
Мы себя из себя каждый день достаем,
Святорусскую отчину музыкой полним —
Ту, которую в звонких стихах создаем.

Мы стойчески держим земное пространство,
Замирая порой над погибелью дней.
Мы — российская мысль, мы ее постоянство,
И она не исчезнет, поскольку мы в ней

Вечной сутью и русскою судьбою пребудем,
Неотступно идем по священной земле.
И в бою, и в скитаньях ее не забудем,
И не сможем предать в наступающей мгле...

* * *

Я в бессознательном искал — себя. Я полоумья гений.
Ломал, зачеркивал себя, процеживал сквозь дно.
И находил себя в дыму, в чаду стихотворений,
Они сгорали на ветру, не оживало — ни одно...

Я в бессознательном живу. Здесь нет ни наслаждений,
Ни светлой осени, ни слов, ни злобы, ни тоски.
Лишь космы строк торчат и остовы стихотворений,
Которым прочил я любовь безумству вопреки.

Жить в бессознательном теперь — увы! моя услада,
Гоню живое из себя, где проживала ты.
И полоумный крик во мне — предельная награда
За все безумства и за дым сгоревшей чистоты...

Байкальский склон еще пылает,
Но между алым, золотым,
Сквозь угли листьев проступает
Безлистных веток сизый дым.

От красных скал, как из камина,
Последним жаром полыхнет —
И зонт коричневого тмина,
Рассыпав семечки, уснет.

В таежном мареве бездонном
Опушки светится окно.
И пахнет вереском зеленым,
Дремотным, терпким, как вино.

Стоят дружиной досточтимой
В плащах багряных дерева...
И все ж предзимье ощутимо,
Сгорает осень, как дрова.

Пустеют берега и доли,
В полет готовится Сарма.
Из черноты ее подола
Дохла холодом зима.